

**МИФ И НАУКА:
ОНТОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ**

УДК 111.1:291.1

DOI: 10.35103/SMSU.2022.45.64.006

**ОТ ЛОГОСА К МИФУ: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ И РАСПРИ В
ФИЛОСОФСКОМ МИФОТВОРЧЕСТВЕ**

Перцев Александр Владимирович

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Иванова Евгения Владимировна

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Мельникова Елена Владимировна

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Недостатками концепции «демифологизации» являются, с одной стороны, укоренившееся в позитивистском направлении представление о мифе как преходящей, исторически ограниченной форме сознания, свойственной определенной стадии развития человека и общества, заменяемой наукой, с другой – коннотация со словами «выдуманный», «фантастический», «нереальный». Вслед за А.Ф. Лосевым предлагается рассматривать миф в качестве специфической, неотъемлемой формы человеческого мировоззрения, существующей на протяжении всей истории человека, а не только на его архаической стадии. Движение «от мифа к логосу» как архетип рациональности философии в противовес иррациональности мифического – привычная позитивистская схема, позитивистский шаблон, существующий во многих учебниках по философии и истории философии, парадигма «торжества философии» и отрицания мифа. Но как философия могла обходиться без мифа, особенно античная? В статье рассматриваются различные аспекты «философского мифа» и философского мифотворчества.

Ключевые слова: миф; философия; логос; мифотворчество; история философии, философия религии

**FROM LOGOS TO MYTH: ETERNAL RETURN AND STRIFE IN
PHILOSOPHICAL MYTH-MAKING**

Pertsev Aleksandr Vladimirovich

Boris Yeltsin Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Ivanova Evgeniya Vladimirovna

Boris Yeltsin Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Melnikova Elena Vladimirovna

Boris Yeltsin Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Abstract

The disadvantages of the concept of «demythologization» are the idea of myth, rooted in the positivist direction, as a transitory, historically limited form of consciousness, characteristic of a certain stage of human and social development, replaced by science, on the one hand, and the connotation with the words «fictional», «fantastic», «unreal», on the other. Following A. F. Losev, it is assumed to consider the myth as a specific integral form of the human worldview throughout the entire history of human existence, and not only at its archaic stage. Therefore, the movement «from myth to logos» as an archetype of the rationality of philosophy as opposed to the irrationality of the mythical is a familiar positivist scheme, a positivist template that exists in many textbooks on philosophy and the history of philosophy, a paradigm of the «triumph of philosophy» and the denial of myth. How could philosophy do without myth, especially the ancient one? The article examines various aspects of philosophical myth" and philosophical myth-making.

Keywords: myth; philosophy; logos; myth-making; history of philosophy, philosophy of religion

Введение

Миф является феноменом, существующим и функционирующим в сфере человеческого сознания, в области политики, экономики, религии, философии, науки. Специфика мифотворчества подробно исследована в работах В.М. Найдыша [5]. «Мифотворчество – это особая специфическая деятельность духа, способная к историческому развертыванию, к многообразным инкарнациям в культуре, имеющая множество ипостасей. Мифотворчество постоянно воспроизводится в некоторых фундаментальных отношениях способа человеческой жизнедеятельности и является культурной универсалией» [5, с. 27]. Чтобы подчеркнуть отличие мифотворчества от всех других форм творчества, думается, необходимо ввести термин «мифологическое смыслообразование». Акт рождения нового здесь может быть понят как отдельная пространственно-временная локализация (в пространстве и времени сознания) смыслообразующего потока, поэтому можно считать, что и архаическое сознание, и современное мифотворчество тем и отличаются, что создают новые смыслы человеческого существования как отдельного индивида, так и социума [1]. Исследованием мифологического смыслообразования в античной философии занимались отечественные историки философии А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи, которые отмечали, что «Платон сочетает в себе черты истинной поэзии и чистой мысли... Он не переступил черты, за которую шагнул Аристотель, навсегда исключивший атмосферу эмоционального искусства из языка научно-философского сочинения» [3, с. 66]. «Миф и логос дополняют у Платона друг друга. Строжайший аналитизм, присущий рассуждающему логосу, слит у Платона с вымыслом мифа и его беспредельной изобретательностью» [3, с. 133]. Миф, таким образом, выступает как «мысль, обогащенная воображением», «устремленная в будущее». И это будущее раскрывается на всем пространстве историко-философской мысли. Обоснованию именно этого тезиса посвящена данная статья.

Методы

В данном исследовании авторами был использован метод сравнительного анализа философских текстов в русле историко-философского концепта. Герменевтическая методология дала возможность при интерпретации историко-философских текстов учитывать различные позиции в ключе «философского мифотворчества» с учетом различных контекстов, временных различий и трансформаций замыслов авторов – создателей философских текстов.

Литературный обзор

Для выстраивания линии рассуждений от Мифа к Логосу были использованы труды А.Ф. Лосева, А.А. Тахо-Годи, Ф.Х. Кессиди. Труды этих авторов являются классическими в истории философии. Их традиции воспроизводятся во многих статьях современных авторов, например, П.Г. Мартысюк в статье «Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу» пишет: «По мере эволюции познания от мифа к логосу происходит переориентация творческого поиска» [4, с. 7]. Используется понятие «философский миф Платона» [6; 8]. Однако авторы данной статьи в русле ремифологизации рассуждают о причинах возвращения современной культуры к мифологическим нарративам, мифемам и мифологемам [1; 7].

Результаты и обсуждение

Формула «От мифа к логосу» прекрасно известна всякому теологу и религиоведу, исследователю философии культуры, историку философии. Она описывает определенный период в культуре Древней Греции, в течение которого она переходит от мифологической картины мира к философской, от собранных и переработанных в высокую литературную форму Гесиодом и Гомером народных мифов к созданию первых философских учений. Подробнейшим образом эта перемена мировоззрения, смена ментальности, коренное изменение самого стиля понимания и объяснения мира и места человека в мире описано в труде Ф.Х. Кессиди [2]. Будучи греком и активно общаясь с представителями греческой интеллигенции как в Греции, так и по всему миру, Ф.Х. Кессиди, естественно, проявлял любовь ко всем проявлениям греческой культуры и не ранжировал их создателей по значимости, прогрессивности, величине (так и носителю русской культуры в голову не пришло бы заявлять, что М.Ю. Лермонтов лучше А.С. Пушкина, а И.С. Тургенев прогрессивнее Л.Н. Толстого). Все это привело к тому, что в труде Ф.Х. Кессиди акцент сделан, скорее, на близость представителей мифологического мышления и представителей мышления философского. Внятного, четкого и однозначного определения мифа и логоса у него нет, как и нет их у тех авторов, которые описывают «миф» и «логос» порознь, по отдельности. Понять, чем различаются миф и логос, можно только соотнося их друг с другом.

Первым использовал слово «логос» Гераклит. В древнегреческом языке это слово обозначает одновременно и слово, и мысль. Потому Гераклит и избрал его, чтобы сделать философским понятием. Слова используются людьми, но далеко не всегда они являются словами осмысленными, «словами-с-мыслью». Чаще всего обыденные слова относятся к единичным предметам, явлениям и существам, указывают на них как на единичное и не предполагают никакого последующего включения этого единичного в единую картину мира, в какую-то систему связей.

Понятие «логос» у Гераклита означает, во-первых, универсальный закон, согласно которому все совершается в мире. Это выражение единства мира, в которое включено все и в котором все родственно друг другу. Поскольку мир у

Гераклита не создан никем из богов, никем из людей, а вечно был, есть и будет огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим, логос и понимается как закон-смысл, которому этот огонь повинует. Это, если угодно, мыслящий огонь, к которому причастна столь же мыслящая огненная душа человека.

Мир, стало быть, вечен, а, следовательно, вечен и управляющий им логос. Во-вторых, мир вспыхивает мерами и мерами угасает. В отличие от обыденного огня, который бесконтрольно распространяется и вечно переменчив, огонь-логос не склонен к импровизациям. Он сам себя подчинил – за отсутствием богов и людей, которые бы создали его по каким-то правилам. Его, логоса, правила могут быть постигнуты логически. Наконец, в-третьих, эта диалектическая логика Логоса, которая может открыть то, что никогда не откроется тому, для кого нет доступа к Логосу как общемировому смыслу. Человек обыденный, не причастившийся Логосу, не знает того, что противоположности тождественны и способны переходить друг в друга. Ночь и день, которые человек обыденный разделяет, на самом деле переходят друг в друга, а потому – одно и то же. Добро и зло – не противоположны, а одно и то же. Целое и нецелое, сходящееся и расходящееся, согласие и разногласие, из всего – одно, из одного – все.

Итак, переход к логосу может быть произведен только тогда, когда человек признает существование единого Смысла, который соединяет мир в единое, как бы ни казалось, что оно – противоположное и разное, враждующее между собой, не имеющее друг с другом ничего общего. Это – всеохватывающий смысл, избежать которого не может ничто. Он общеобязателен. Он определяет меру всему. Он открывает посвященному в этот смысл другое, более глубокое понимание мира. Почему же тогда Гераклит имел прозвище Темный? По причине непонятности и неясности его учения? Потому, что были посвященные в его учение ученики, и были непосвященные в учение, которые не понимали, что существует Логос, не умели говорить между собой на его языке. Их надо было «ввести в учение».

Введение в царство слов, логически описывающих Логос как всемирный смысл, осуществлялось следующим образом. Человек предельно наивный видел только отдельное-единичное, никак не связывая их друг с другом. В общении между собой такие люди только указывали на эти разрозненные вещи, используя столь же разрозненные слова, между которыми не было никакой логической связи. Таких профанов, привыкших смотреть на мир поверхностно-обыденным взглядом, видеть только единичное и разное, надо терпеливо подвигать к постижению глубинного единого смысла мира. Для того, чтобы такой обыденно-повседневный, с головой ушедший в свою частную деятельность человек отвлекся от нее, беседу с ним следует начинать с описания обыденного, данного в наблюдении, «житейского», с легкостью представимого в образах и картинках. А потом провести аналогию, указав, таким образом, что рассказанная притча имеет какой-то иной, более глубокий смысл, который указывает на великое единство мира. Для большей убедительности и притягательности этот смысл связывался с Богом или иными высшими по отношению к рядовому человеку существами. Так и возникал философский миф – как введение профанов в царство Логоса.

Задача мифа заключалась в том, чтобы рассказать яркую, запоминающуюся историю с каким-либо неординарным персонажем, который совершил запоминающийся поступок, а затем пояснить ее глубинный «переносный» смысл.

Подобный способ передачи знаний использовал Иисус Христос в общении с апостолами, которые были необразованными рыбаками, причем рекомендовал его

как наилучший и единственно эффективный при работе с неопитами. Он рассказал апостолам притчу о том, как хозяин, уезжая, раздал свое богатство в виде слитков серебра (талантов) своим рабам. Два из них пустили это богатство в оборот и вернули хозяину с прибылью, а третий закопал свой талант в землю и вернул хозяину по его возвращении без всякой прибыли, за что был сурово наказан. Затем Иисус Христос раскрыл апостолам глубинный смысл этой притчи таков: вознесясь в небеса, Христос оставляет учеников с их верой, а по возвращении во время Второго пришествия они должны вернуть ему свою веру, многократно усилившуюся, а не оставшуюся прежней. Апостолы вполне могли живо и наглядно представить себе хозяина и его рабов, отношения между ними, образ жизни, который они ведут. Они вникали, таким образом, в ситуацию, постигали ее житейский смысл – обычный обычай – а затем им сообщался по аналогии смысл переносный, более высокий, связанный с Богом.

Таким же образом использовал притчу-миф о пещере Платон. Вначале Платон описывал узников, которые прикованы так, что не могут повернуть ни тела, ни даже головы, и вынуждены видеть только тени на неровной стене пещеры. Эти тени отбрасывают люди, которые проходят вне пещеры и освещаются солнцем, и вещи, которые они проносят. Тени от них на стене смутные, искаженные. Но узников пещеры нельзя просто вывести на солнечный свет – он ослепит их. Первоначально их надо будет выводить из пещеры по ночам и показывать им отражение звезд в воде. Затем – показывать сами звезды на ночном небе. Так, постепенно приучая их к свету, можно достичь того, что они смогут увидеть мир днем – и даже какое-то время не отводить взгляда от солнца. Разумеется, речь идет не только и не столько об узниках и пещере. Важен постижимый посредством аналогии переносный смысл: пещера символизирует мир повседневности, где все видится искаженным и разрозненным, в виде иллюзорных теней. Дневной мир, озаренный солнцем – это мир сущностей, ясных и постигаемых умом, а солнце – озаряющее все и собирающее в единое целое мир, придавая ему смысл – это аналог верховного эйдоса Блага. Как видим, «философский миф тесно связан у Платона с поэтическим началом: философ одновременно и поэт, и мудрец, и мифолог» [6, с. 128].

Итак, переход от мифа к логосу происходит так. Вначале человек-профан, погруженный в свою примитивную частную деятельность с головой, то есть целиком полагаясь на сформированные у него навыки и умения, не видит и не испытывает потребности видеть единый смысл мира. Он, как «мыслящий порциями повар», измеряет все только своими мерками и своей выгодой, определяя только в порциях значимость свадеб, банкетов, саммитов и прикидывая, сколько там можно реализовать собственной продукции. Но поскольку у него есть конкуренты, есть сородичи, готовые разделить его доход, есть правитель, который взимает налоги, его воля к процветанию сталкивается с волей к процветанию других. Пережив жизненный кризис, он обращается к наставнику жизни – шаману, священнику, философу, психологу, психоаналитику. Тот открывает ему более высокий или более глубокий смысл мира, знание которого позволит либо лучше устроить свою жизнь, либо более стойко переносить кризисы в ней. Сразу же этот высший «смысл-Логос» не откроется, а если откроется – то ослепит. К Логосу как высшему знанию единого смысла мира надо подниматься постепенно – так, как узник выходит на свет из пещеры. И осуществляется этот выход под руководством духовного наставника – через притчи с объяснением их переносного смысла, то

есть через вовлекающее властно сказывание мифов, которые открывают постепенно знание о подлинно управляющих миром силами. Ведьма и злой колдун были просто зримым (хотя и скрывающимся от глаз до времени) олицетворением мирового зла: притчи-анalogии иной раз понимались буквально слушателями мифов, а наивность их приписывалась самим творцам мифов. Последние, однако, обладали не только экзотерическим (то есть предназначенным для привлечения неопитов) знанием, но и знанием эзотерическим. В своем постижении единства мира и сил, которые им движут, они продвинулись неизмеримо дальше, чем можно догадываться, судя только по мифам, предназначенным для распространения среди «простолюдинов».

Уже в античности, а также в средние века были созданы философские и теологические концепции, которые по сложности соотносятся с популярными изложениями сути философии и теологии так же, как преподавание арифметики соотносится с преподаванием высшей математики. Начиная преподавание арифметики, учитель долго рассказывает неопитам свои математические вводные притчи о тракторах или пешеходах, которые вышли навстречу друг другу из пунктов «А» и «В» – прежде чем они научатся говорить с учителем на языке посвященных самого первого уровня – о встречном движении точек по одной и той же прямой. Вторая ступень посвящения в математику – достижение у неопитов понимания того, что встречное движение точек аналогично заполнению бассейна из двух труб. Но до высшей математики отсюда еще невероятно далеко.

Итак, движение от мифа к логосу есть промежуточный этап – от бытового установления связей между отдельными предметами или существами до постижения того, что сфера собственной активности в ближайшей доступности – это еще не весь мир, что за пределами непосредственно окружающей среды есть более сложные и важные связи. Эти связи выражаются мифом в удобном для усвоения неопитами виде: от непосредственно наблюдаемого наставник отсылает их к постижимому только опосредованно переносному смыслу. Тогда то, что ранее наблюдалось непосредственно, «поверхностно», превращается в символическое указание на высший (или глубинный) смысл. Миф в этом плане родственен сну, который психоаналитику рассказывает пациент: он видел что-то, что наблюдал в разные времена непосредственно, но теперь оно превратилось в символы чего-то потаенного: так, фиалки, например, становятся символом насилия. Переход от мифа к логосу заканчивается именно тогда, когда неопит может говорить с философом «без картинок», сугубо на языке логоса, то есть на языке Логическом, предполагающем существование единственного и единого смысла мира.

Сегодняшнее отношение к философии и теологии в России определяется не столь тонким различием мифа и логоса как экзотерического и эзотерического знания, а куда более примитивной теорией трех стадий в развитии человеческого ума, созданной отцом позитивизма Огюстом Контom (1798–1857). Этот французский мыслитель определил менталитет всех российских «политехников», выразив в своих работах дух Политехнической школы в Париже, в которой он учился и при которой затем работал в роли преподавателя-репетитора по математике, тщетно пытаясь стать штатным преподавателем. Но создание позитивизма – это вовсе не только его заслуга. Он выразил в сфере философии, которая была призвана преодолеть себя как философию, мировоззрение Наполеона Бонапарта. Именно от него в позитивизме такое презрение к «идеологии» и чисто инженерное преклонение перед математикой, в полном подчинении которой

находятся естественные и технические науки (речь идет, конечно, о прикладной математике, при помощи которой могут быть разработаны сугубо практические технологии, высшая математика представляется избыточной).

Огюст Конт лишь выразил менталитет инженера-математика на государственной службе, который был сформирован в Политехнической школе под патронажем Наполеона Бонапарта. Тот был обязан математике абсолютно всем. Вначале он, выходец из бедной семьи и глухой провинции, благодаря успехам в освоении математики был устроен в училище, где выучился на офицера-артиллериста, затем благодаря математическим расчетам предложил план артиллерийского обстрела Тулона, который заставил эту крепость пасть. Это сделало его известным всей революционной Франции – и в конечном счете привело к власти, поскольку он именно посредством математического планирования рассчитывал навести порядок после революционного хаоса. В числе преподавателей Наполеона Бонапарта был тот самый П-С. Лаплас, который вообразил себе всеобъемлющий интеллект, способный сосчитать весь мир в целом, вплоть до последней частицы, что исключило бы любую случайность («лапласовский детерминизм»). Именно этого математика Наполеон Бонапарт сделал министром внутренних дел, но освободил от этой должности несколько недель спустя, мотивируя это тем, что «он внес в свою деятельность дух бесконечно малых величин», то есть чересчур вникал в каждую мелочь. Именно «демон Лапласа» стал, по сути дела, тем прообразом всеобъемлющего «искусственного интеллекта», к которому относятся как божеству наиболее рьяные проповедники тотальной цифровизации. Наполеон I везде и всегда окружал себя математиками, которые выступали в роли планировщиков всех его начинаний и осуществляли просчитанное (они спланировали даже специальные телеги для подвоза провизии для Великой армии, которая отправлялась воевать с Россией в 1812 году) [7, с. 27–30].

Хотя основной шеститомный труд с изложением контовского позитивизма «Курс позитивной философии» вышел уже после падения Наполеона I, в 1830–1842 годах, в нем был прекрасно схвачен дух наполеоновской Политехнической школы. Название другого – четырехтомного труда О. Конта было достаточно красноречивым «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» (1851–1854). Поскольку о компьютерах и суперкомпьютерах в те времена еще не было слышно, в роли вечного и всеобъемлющего ума выступало Человечество в лице ученых и инженеров, промышленных и социальных, то есть эффективных менеджеров, которые направляют развитие человечества. Это коллективное правительство впоследствии воплотилось в Римском клубе, а ныне обсуждает свои глобальные начинания на всемирных экономических форумах, призванных определять, основываясь на математических расчетах, глобальные судьбы человечества.

Движение от мифа к логосу позитивизм в лице О. Конта и его последователей представил, как три стадии развития человеческого ума, каждая из которых есть шаг на пути к научному мировоззрению.

Первая, «теологическая» стадия, характеризуется полным преобладанием наивной фантазии у дикаря и у маленького ребенка, который полностью повторяет путь интеллектуального человечества – от первобытности до цивилизованности. Примитивно-инфантильный ум дикаря или ребенка вначале объясняет непонятное в природе через понятное и известное, то есть через уподобление себе и своей

жизни. Он склонен очеловечивать не только всех животных, но даже и растения, а также неживые предметы. На первом этапе первой стадии – этапе «анимизма» – все это наделялось душой, откуда появлялись мифы о нимфах и иных существах, которые живут в каждом ручье (наяда), в каждом дереве (дриада) и т.п. На втором этапе человек уже начинает замечать нечто сходное в вещах и существах, а потому подчиняет их в своих фантазиях общему начальнику-богу и приносит ему жертву, задумывая что-то осуществить. Так возникает политеизм. Наконец, на третьем этапе теологической стадии человек, начиная догадываться о связях, существующих между разнородными существами и вещами, выдумывает себе верховного единого начальника над всеми богами. Так возникает монотеизм.

Религию в любой форме позитивизм считает признаком наиболее наивного ума. Философию отличает уже осознание наивности антропоморфных объяснений всего. Она, по мнению О. Конта, относится ко второй, чуть более высокой стадии в развитии ума: по мере взросления человек уже стеснялся проявлять откровенный антропоморфизм и мыслить себе движущие силы мира по образу и подобию человека. Миром уже правят не боги, похожие на людей, имеющие подобное человеку тело и все органы. У философов все объясняется не присутствием бога в каждой вещи, а наличием у нее невидимой, не данной в опыте, умопостигаемой сущности. Если на теологической стадии все процессы и события в мире объяснялись распрями между богами, или, наоборот, их симпатией и взаимодействием, то на стадии философской (метафизической) все объяснялось отношениями между «сущностями» вещей, которые определяли законы мира, понимаемые как «связи сущностей».

Сущности уже не имели человекоподобного облика, однако, вели себя подобно людям – вступали в противоречия, затевали борьбу противоположностей и впадали в единство, порождали одна другую – совсем как люди. А всем управляла одна верховная сущность, подобно престарелому отцу драчливых и непослушных взрослых детей, который то и дело пытался примирить их. Позитивисты начала прошлого века предполагали, что эти смехотворные представления о мироустройстве в самом скором времени сменятся научными, то есть позитивными знаниями. Наука не будет воображать как маленький ребенок или первобытный человек, а станет заниматься исключительно наблюдением, то есть ставить опыты или опрашивать многочисленных очевидцев, как это делает социология, полагаясь на их здравый смысл. Собрав эмпирический материал такого рода, она должна сделать из него выводы. Однако такие выводы надо выражать не в словах или в теориях, которые провоцируют снова на детское фантазирование, а исключительно в статистических данных, в сравнительных таблицах, для наглядности переводимых в диаграммы. Говоря иначе, позитивные науки уже более не задают вопрос «почему», а только задают вопрос «как», рисуя какую-либо кривую, описывающую тот или иной природный или социальный процесс.

Все науки основаны на опыте, то есть на непосредственном наблюдении фактов. Ни один ученый не сможет провести столько опытов, чтобы охватить достаточное для науки количество фактов. Но тогда можно привлечь математику в виде статистики, которая, собственно сводится к простейшей арифметике, зато не отвлекается от непосредственно данного в опыте множеству людей. Наука только тогда становится настоящей наукой, когда начинает пользоваться математикой. Это сказал еще И. Кант. Но О. Конт пошел еще дальше и добавил: «И когда перестает пользоваться словами, переходя только к формулам и статистическим

выкладкам». Первой полностью отдалась во власть математики физика, затем химия. В биологии еще есть остатки философии, которые создают представления о таких «сущностях», как «жизненная сила». Но они изживаются. Теперь на очереди – науки об обществе. Их надо отучить теоретизировать, то есть конструировать произвольные фантазии, и приучить наблюдать, то есть опрашивать множество наблюдателей. Так возникнет социология – подобие физики – которая будет выражать все в виде диаграмм, иллюстрирующих статистические выкладки.

Казалось бы, научно-технический прогресс неумолим, ум человека неудержимо взрослеет, переходит от наивных фантазий к точным наукам. Но почему же сегодня, в самый разгар информатизации и цифровизации, в условиях всяческого ограничения влияния философов, во времена, когда статистические опросы проводятся повсеместно и по каждому поводу, столь бурно возрождаются мифы – причем в самых примитивных формах, которые уже, казалось бы, должны быть окончательно изжиты?

Наблюдения показывают, что теологическая форма мышления отнюдь не отмерла сегодня, а, наоборот, возвратилась к самой исходной «первобытной» форме. На первый взгляд причиной тому является реклама. По телевидению, к примеру, рекламируется моющее средство – и показывается «Мистер Проппер», воплощающий собой некоторый дух стирального порошка, с виду – мужчина лет сорока, во всем белом, с седыми бровями. Этот дух обещает помочь в ускоренной уборке. Для вызова этого духа герои рекламного ролика даже совершают некоторые колдовские пассы. Подобную же роль играет воплощения стирального порошка – «Крошки Sorti», отражающие фантазии художника об идеальной корпулентной уборщице. Дух шин «Michelin» воплощает человек, составленный из белых покрышек. Поскольку эмпирическая культура отучает от абстрактных понятий, лекарства в аптеках утрачивают постепенно научные наименования типа «Норсульфазол» или «Тетрациклин», и все более называются умело переделанными словами обыденного языка – типа «Голованеболин», «Негрустин». Лекарство от изжоги рекламируется в виде маленьких белых пожарных, которые заливают все в желудке белой пеной. «В рекламе уже используются готовые мифемы, мифологемы, однако наполненные новым смыслом... Используется мифологичность вещи как обладающей волшебными свойствами» [1, с. 261]. Если вдуматься, все это недалеко отстоит от наивных мифологических представлений о болезнях как бесах, которые одолевают человека. Только теперь изображаются не болезни, а человекообразные их противники – лекарства. Поскольку видеокультура уничтожила также всякого рода понятия о морали и сложные этические концепции, сегодня никто не может помыслить «долг» иначе как зримую передачу денег из одних рук в другие. Выражения «патриотический долг», «моральный долг» не вызывают никаких наглядных образов, а потому они неизбежно обретают свои наглядные воплощения в комиксах. Всякого рода «Человек паук», «Капитан Америка» и т.п. есть ни что иное как образное воплощение – олицетворение морального императива или добра, чуть ли не кантовского категорического императива. Ведь герой подобных комиксов или фильмов по их мотивам есть вполне конкретный человек, который занят какой-то деятельностью в обществе, участвуя в общественном разделении труда. Но когда он перевоплощается в какого-нибудь супермена, он уже выступает как олицетворение всего человечества, а именно потому может спасти всякого рода униженных и оскорбленных.

Что нам мешает посмотреть на сценарии подобных фильмов и комиксов как на реставрацию первобытной мифологии, в которых описываются разного рода истории о бесах и «горних силах», которые противостоят им под руководством какого-нибудь архистратига.

Мусульмане с уважением называют приверженцев иудаизма и христианства «людьми книги». Современная позитивистская система образования отучила школьников читать книги, толкуя их как чересчур пространное изложение информации. Но при этом школьники совершенно отучились и теоретизировать, поскольку им не надо фантазировать: даже радио, не говоря уже о видеоряде, требует неотрывного внимания и делает невозможным отвлечение на собственное мышление. Так, об опасности возвращения к новому варварству именно в эпоху развития современных средств коммуникации писал еще в 1935 году нидерландский историк и философ культуры Й. Хёйзинга (1872–1945): «Бастионы технического совершенства, экономической и политической эффективности ни в коей мере не ограждают нашу культуру от сползания в варварство. Варварство тоже может пользоваться всеми этими средствами. Оснащенное с таким совершенством, варварство станет только сильнее и деспотичнее. Примером необычайно высокого технического достижения самого полезного и благотворного характера, которое, однако, угрожает содержанию культуры своими побочными эффектами, служит радио. Никто ни минуты не сомневается в исключительной ценности этого нового инструмента духовного общения. Сигналы бедствия и спасательных служб, музыка, новости, которые доносит радио до одинокого человека в самые отдаленные места, – всех удобств просто не перечислить. И, однако же радио как орган коммуникации в своей повседневной функции означает во многих отношениях регресс, возвращение к нецелесообразной форме передачи мыслей. Это заключается не только в известных пороках вульгарного использования радио: невнимательное прослушивание, пустая игра ручками настройки радиоприемника, низводящая радиопередачи до мешанины слов и звуков. Если даже отвлечься от этих необязательных изъянов, радио есть замедленная и ограниченная форма познания. Для темпов нашего времени звучащее слово кажется слишком неповоротливым. Чтение – более тонкая функция культуры. Ум воспринимает прочитанное гораздо быстрее, он постоянно делает отбор, напрягается, переключается, делает паузы и размышляет, тысячи движений мысли в минуту, которых не знает слушающий. Сторонник использования радио и кино в школьном обучении в своем пророчестве под названием «The decline of the written word» («Упадок печатного слова») радостно и уверенно говорит о ближайшем будущем, которое станет воспитывать ребенка изображением и звучащей речью. Это будет гигантский шаг назад, к варварству. Нет лучшего средства отучить детвору самостоятельно мыслить, сохранить ее пуэрильной, несовершеннолетней, а сверх того, вероятно, повергнуть ее скоро и основательно в скуку. Варварство может идти в ногу с высоким техническим совершенством, оно может идти в ногу со всеобщим и повсеместным школьным обучением. Судить о повышении культуры по снижению безграмотности – это устаревшая наивность. Определенный минимум школьных знаний еще никоим образом не гарантирует наличия культуры» [9, с. 138].

Й. Хёйзинга не дожил до эпохи телевидения и прочей «видеокультуры», которая с помощью глобальных сетей охватывает весь мир. Но его слова, сказанные без малого век назад, сегодня звучат поразительно современно:

«Повсюду пышно цветут иллюзии и заблуждения. Как никогда прежде, люди кажутся рабами слова, лозунга, чтобы поражать им друг друга наповал: вербицид (dooddoeners) в буквальном смысле слова. Мир насыщен ненавистью и взаимонепониманием. Нет такого прибора, которым можно было бы измерить, каков процент поглупевших и одураченных и больше ли он прежнего, но сама глупость стала могущественней, чем раньше, она выше восседает на троне и злее вредит. Аморфной полукультурной массе все больше недостает спасительных тормозов уважения к традиции, форме и культу. Самое досадное – это заметная повсюду *indifference a la verite* (безразличие к истине), достигающая своей кульминации в открытом публичном восхвалении политического обмана. Варваризация начинается тогда, когда в старой культуре, за многие столетия поднявшейся до высот ясности и чистоты мышления и познания, это познание начинает завлакиваться магией и фантастикой, поднятыми чадной волной ярых инстинктов и страстей. Вот когда миф теснит логос!» [9, с. 139]..

В эти же предвоенные времена от логоса к мифу вернулся Мартин Хайдеггер, который удалился в свою лесную хижину в Тодтнауберге, чтобы бродить по дорогам в глухомань Шварцвальда. Там он написал около двух тысяч страниц, которые составили учение «позднего Хайдеггера» (при жизни рукописи не издавались, позднее составили 6 томов собрания сочинений). Само слово «Holzwege» уже есть половина мифа – оно означает дороги в лесную чащу за дровами, заканчивающиеся тупиком на месте их заготовки. Но идиома «auf dem Holzweg sein» переводится как «впасть в заблуждение», «зайти в тупик». Вторая половина мифа наверняка заимствована из фольклора региональной Партии виноградарей, в которой М. Хайдеггер когда-то состоял – и эта половина превратилось в итоге в учение о Четверице (Geviert). Миф виноделов состоял в том, что Небо оплодотворяет Землю и появляется росток винограда. Если человек будет ухаживать за ним, получится вино. На пиру люди прольют его на землю, принеся в жертву богам – и боги примут приглашение вернуться к людям. Там, среди этих четырех начал – Земли и Неба, Смертного и Святого-Божественного – затеется великое определение смысла всего – но в виде славного спора-распри, которая непременно уладится ладом («Austrag»).

«Поздний» М. Хайдеггер прошел, таким образом, все три стадии, выделенные О. Контом – только в обратном направлении. Он для начала подверг критике «универсальную делаемость» («Machenschaft»), которую можно перевести как «махинативность» – технологические махинации при помощи машин, науки и техники. Затем он подверг критике метафизику как выражение этой махинативности и «воли к воле», удалился от теологии, как католической, так и протестантской, чтобы дойти до своего собственного мифа. Вот только он не увязывался воедино, потому что спор-распри пришлось производить с самим собой, странствуя по лесным дорогам в глухомань.

Так это и написано в томе 71 собрания сочинений, в рукописи, озаглавленной «Событие» («Das Ereignis»): «Улаживание ладом распри всегда происходит при движении дорогой в глухих дебрях, о которых не знает ни один, ни другой; они не связаны друг с другом, но их объединяет только одно – стремление выбраться из чащи на свет невредимыми, чтобы, не пострадав, дальше пуститься в путь при своем восхождении, без различного рода опасений, которые испытывались на такого рода путях (Der Austrag ist immer auf einem Holzweg, von denen der eine den anderen nicht kennt; sie sind unverbunden, aber doch nur dem

einzigem zubestimmt, das Holz zu lichten, um es dann unversehrt bei seinem Aufgehen zu lassen und der vielen Verborgsamkeit, die entlang solchen Wegen west). Пути в дебри – пути заросшие; они позабыты; и все же по ним носили и возили дрова чтобы где-то – уже не вспомнить и не узнать, где именно – можно было разжечь огонь (Holzwege sind dann überwachsene Wege; sie werden vergessen; und doch wurde auf ihnen das Holz getragen und gefahren, das irgendwo, in seiner Herkunft vergessen und unerforschbar, ein Feuer anzünden ließ). Улаживание ладом распри-раздора различия (то есть сообразное истории пра-бытия мышление) несет груз сказывания на пути в дебри (Der Austrag des Unterschieds (d. h. das seynsgeschichtliche Denken) trägt die Last des Sagens auf den Holzweg) [10].

Заключение

Таким образом, взаимодействие мифа и философии далеко не такое простое, как это рассказывается студентам, изучающим курс философии, или зафиксировано в позитивистских программах этого же курса. Философский миф, начиная с Платоновского, развивается в различных направлениях. Тот же самый Ф. Бэкон, отрицавший мифы как «идолы рода» и стремившийся к их разоблачению, сам становится мифотворцем торжества сциентизма в своем проекте «Новая Атлантида». Говоря об О. Конте как продолжателе сциентистских мифов, о торжестве и победе науки над религией и мифологией, не следует забывать о том, что он наполнял свои размышления о позитивной религии всего человечества мифологическими нарративами о служении женщине. А представители французского экзистенциализма – А. Камю, Ж.П. Сартр – разве они не продолжали традиции Платоновского философского мифа? А психоаналитики? Поэтому очень важно, рассуждая в истории философии о взаимодействии Мифа и Логоса, акцентировать внимание на традиционном понимании зарождения философии в недрах мифологического мышления и подчеркивать обратное движение от Логоса к Мифу.

Литература

1. Иванова Е.В. Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя) // Е.В. Иванова. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2004. 298 с.
2. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя. 2003. 360 с.
3. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия. 1993. 383 с.
4. Мартысюк П.Г. Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу // Человек, культура, образование. 2015. № 3(17). С. 7–17.
5. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики. 2002. 554 с.
6. Осадченко Ю.С. Философский миф в структуре философского знания // II Копнинские чтения. Томск. Томский государственный университет, 01–03 октября 1997. С. 128–132.
7. Перцев А.В., Панкращенко В.Н. Имперская предыстория цифровизации // Einaï, Философия. Религия. Культура. 2019. №2(16). С. 27–47.
8. Родина М.В. Философские мифы Платона и «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 8. С. 191–199.

9. Хёйзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: эссе. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха. 2010. 456 с.

10. Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge -Gedachtes. Band 71 // Heidegger M. Das Ereignis. Frankfurt am Main Vittorio Klostermann GmbH. 2009. 257 s.

References

1. Ivanova E.V. Smysloobrazujushhaja funkcija mifa (obraz kul'turnogo geroja) [The Meaning-making Function of Myth (the Image of the Cultural Hero)] // Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2004. 298 p. [In Russian].
2. Kessidi F.H. Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoj filosofii [From Myth to Logos: The Emergence of Greek Philosophy]. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: Aletejja. 2003. 360 p. [In Russian].
3. Losev A.F, Taho-Godi A.A. Platon. Aristotel' [Plato. Aristotle]. M.: Molodaja gvardija. 1993. 383 p. [In Russian].
4. Martysjuk P.G. Genезis filosofskih osnovanij tvorčestva: ot mifa k logosu [The Genesis of the Philosophical Foundations of Creativity: from Myth to Logos] // Chelovek, kul'tura, obrazovanie. 2015. № 3(17). P. 7–17. [In Russian].
5. Najdysh V.M. Filosofija mifologii. Ot antichnosti do jepohi romantizma [Philosophy of Mythology. From Antiquity to the Romantic Era]. M.: Gardariki. 2002. 554 p. [In Russian].
6. Osadchenko Ju.S. Filosofskij mif v strukture filosofskogo znanija [Philosophical Myth in the Structure of Philosophical Knowledge] // II Kопninskie chtenija. Tomsk. Tomskij gosudarstvennyj universitet, 01-03 oktjabrja 1997. P. 128–132. [In Russian].
7. Percev A.V., Pankrashhenko V.N. Imperskaja predistorija cifrovizacii [The Imperial Prehistory of Digitalisation] // Einai, Filosofija. Religija. Kul'tura. 2019. №2(16). P. 27–47. [In Russian].
8. Rodina M.V. Filosofskie mify Platona i «Hroniki Narnii» K.S. L'juisa [Plato's Philosophical Myths and the Chronicles of Narnia by C.S. Lewis] // Unikal'nye issledovanija XXI veka. 2015. № 8. P. 191–199. [In Russian].
9. Hjozinga J. Teni zavtrashnego dnja. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir: jessje [Shadows of Tomorrow. Man and Culture. A Darkened World: Essays]. SPb.: izd-vo Ivana Limbaha. 2010. 456 p. [In German].
10. Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung: Unveröffentlichte Abhandlungen Vorträge -Gedachtes. Band 71 // Heidegger M. Das Ereignis. Frankfurt am Main Vittorio Klostermann GmbH. 2009. 257 s.

Сведения об авторах:

Перцев Александр Владимирович

профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия).

E-mail: apertzev@mail.ru

Иванова Евгения Владимировна

профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доктор философских наук, доцент (г. Екатеринбург, Россия)
E-mail: ieviev@mail.ru

Мельникова Елена Владимировна

доцент кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», кандидат философских наук (г. Екатеринбург, Россия).
E-mail: e.v.melnikova@urfu.ru

Bionotes:

Pertsev Aleksandr Vladimirovich

Professor, Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Boris Yeltsin Ural Federal University, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia).

Ivanova Evgeniya Vladimirovna

Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Boris Yeltsin Ural Federal University, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Yekaterinburg, Russia).

Melnikova Elena Vladimirovna

Associate Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Boris Yeltsin Ural Federal University, Candidate of Philosophy (Yekaterinburg, Russia).

Для цитирования:

Перцев А.В., Иванова Е.В., Мельникова Е.В. От Логоса к Мифу: вечное возвращение и распри в философском мифотворчестве // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 75–88.

For citation:

Pertsev A.V., Ivanova E.V., Melnikova E.V. From Logos to Myth: eternal Return and Strife in Philosophical Myth-making // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 75–88.